

Хелен Саймонсон
Последний бой
майора Петтигрю

Helen Simonson
Major Pettigrew's
Last Stand

Хелен Саймонсон
Последний бой
майора Петтигрю

Перевод с английского
Дарьи Горяиновой

издательство **АСТ**

Москва

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)-44
С14

Jacket illustration: Mary Evans Picture Library/J. Grenard/cover of Life Magazine, March 27, 1924

License from MARY EVANS PICTURE LIBRARY

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Саймонсон, Хелен

С14 Последний бой майора Петтигрю / ХЕЛЕН САЙМОНСОН ; пер. с английского ДАРЬИ ГОРЯНИНОЙ. — Москва : АСТ: CORPUS, 2013. — 576 с.

ISBN 978-5-17-077991-8 (ООО "Издательство АСТ")

Майор в отставке Эрнест Петтигрю после смерти брата сталкивается с проблемами, решать которые он должен, не поступившись понятиями о чести, долге, благопристойности. Страсти разгораются и вокруг семейной реликвии, которую родственники намерены выгодно продать, и вокруг дружбы майора с владелицей деревенского магазинчика пакистанкой миссис Али. Оба любят литературу, оба потеряли супругов, и их дружба может перерасти в нечто большее. Но местное общество не готово принять мусульманку как равную.

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-077991-8 (ООО "Издательство АСТ")

- © Helen Simonson, 2010
- © Д. Горянина, перевод на русский язык, 2013
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2013
- © ООО "Издательство АСТ", 2013
- Издательство CORPUS ®

Глава 1

Майор Петтигрю, которому утром позвонила жена его брата, все еще пребывал в смятении, поэтому дверь он открыл совершенно автоматически. На мокрой кирпичной дорожке стояла хозяйка местного магазина, миссис Али. Увидев его, она почти незаметно вздрогнула и слегка приподняла брови. Майора захлестнула волна смущения, и он неуклюже попытался разгладить складки на своем малиновом домашнем халате с узором из клематисов.

— О, — сказал он.

— Майор?

— Миссис Али?

Последовавшая пауза разрасталась, словно Вселенная, которая, как недавно прочел майор, каждое мгновение, оказывается, все больше распухает. В воскресной газете этот процесс назвали “одряхлением” Вселенной.

— Я пришла получить деньги за газету. Разносчик заболел, — сказала миссис Али. Она выпрямилась, словно хотела казаться выше, и голос ее звучал отрывисто — совсем не так мягко и певуче, как во время обсуждения чайных смесей, которые она готовила специально для майора.

— Ах, да, разумеется. Прошу меня простить.

Он забыл оставить под уличным ковриком конверт с оплатой за газеты на следующую неделю. Майор принялся нащупывать карманы, затаившиеся где-то в малиновых складках. Внезапно он почувствовал, что в глазах собираются слезы. До карманов было не добраться — надо было снимать халат и тогда только возобновлять поиски.

— Прошу прощения, — повторил майор.

— Что вы, не беспокойтесь, — ответила миссис Али и сделала шаг назад. — Можете занести потом в магазин. Когда вам будет удобно.

Она уже повернулась, чтобы уйти, но он вдруг почувствовал непреодолимое желание объяснить свое поведение.

— Мой брат умер, — сказал он. Она остановилась. — Мой брат умер, — повторил он. — Мне утром позвонили. Я... не успел.

Когда зазвонил телефон, в ветвях гигантского тиса у западной стены дома еще не умолк рассветный хор птиц, небо все еще было розовым. Майор специально встал на рассвете, чтобы справиться с ежедневной уборкой, и только теперь осознал, что

так и просидел все время после звонка в ступоре. Он беспомощно указал на свой странный наряд и утер лицо. Внезапно его колени подогнулись, и кровь отхлынула от головы. Он ударился плечом о дверной косяк, и миссис Али вдруг оказалась совсем рядом и поддержала его.

— Давайте-ка зайдем в дом, присядем, — сказала она сочувственно. — Если позволите, я налью вам воды.

Конечности майора почти потеряли чувствительность, и ему не оставалось ничего другого, как повиноваться. Миссис Али провела его по неровному каменному полу узкой прихожей и усадила в кресло с подголовником в светлой гостиной. Сиденье было бугристым, а подголовник неудобно впивался в затылок твердым деревянным ребром — майор недолюбливал это кресло, но в его положении выбирать не приходилось.

— Я взяла стакан на сушилке, — сказала миссис Али, вручая ему тяжелый стакан с толстым дном, в который он клал на ночь зубной протез. Майора замутило от слабого запаха мяты. — Вам лучше?

— Да, гораздо лучше, — ответил он, чувствуя, что глаза его по-прежнему полны слез. — Вы очень добры...

— Давайте я приготовлю вам чаю.

Это предложение немедленно заставило майора почувствовать себя дряхлым и жалким.

— Спасибо, — сказал он. Годится любой предлог, чтобы она вышла из комнаты и дала ему возможность собраться с силами и избавиться от халата.

Было странно вновь слышать, как женщина звенит посудой на кухне. С каминной полки улыбалась его жена Нэнси — волнистые каштановые волосы спутались, а веснушчатый нос слегка порозовел на солнце. В мае того дождливого года — 1973-го, кажется, — они отправились в Дорсет, и вышедшее ненадолго солнце осветило тот ветреный день, дав майору возможность сфотографировать ее, машущую рукой, точно девчонка, с зубчатой стены замка Корф. Шесть лет назад она умерла. Теперь умер и Берти. Они оставили его одного, последнего из их поколения. Он сжал кулаки, чтобы унять легкую дрожь в руках.

Разумеется, оставалась еще Марджори, жена брата, но, как и его покойные родители, он так никогда и не примирился с ней. У Марджори был громкий голос, говорила она с северным акцентом, царапающим барабанную перепонку, точно тупая бритва, к тому же речь ее не отличалась грамотностью. Майор надеялся, что она не рассчитывает на внезапное родственное сближение. Надо будет попросить у нее какое-нибудь недавнее фото Берти — и, конечно, охотничье ружье. Разделив

пару ружей между сыновьями, отец совершенно ясно дал понять, что в случае смерти одного из них ружья вновь должны быть соединены, чтобы впоследствии передаваться из поколения в поколение внутри семьи. Ружье майора все эти годы одиноко лежало в ореховом ящике — пустующее углубление в бархате обозначало отсутствие его собрата. Теперь ружья вновь обретут свою полную цену, составляющую, как он подозревал, около ста тысяч фунтов. Не то чтобы он собирался когда-либо их продавать. На мгновение он ясно увидел себя на следующей охоте — возможно, на одной из кишаших кроликами ферм у реки — подходящим к группе людей с небрежно заброшенной за спину парой ружей.

— Господи, Петтигрю, это что, ружья “черчилль”¹? — спросит кто-нибудь, возможно, сам лорд Дагенхэм, если он присоединится к ним в тот день, и он невзначай взглянет на ружья, словно забыв о них, и ответит:

— Да, они самые. Неплохой орех был в то время.

А потом передаст ружья, чтобы все могли как следует рассмотреть их и выразить свое восхищение.

Эту приятную интерлюдия прервал какой-то стук. В комнату вошла миссис Али с чайным подносом. Она сняла зеленое шерстяное пальто и осталась в простом темно-синем платье, надетом поверх узких черных брюк. Узорчатую шаль она на-

¹ Английская ружейная компания “Э.Д. Черчилль” производит ружья с XIX века и считается одной из лучших.

бросила на плечи. Майор вдруг понял, что никогда раньше не видел миссис Али без фартука, который она всегда носила в магазине.

— Позвольте вам помочь. — Он приподнялся с кресла.

— Я отлично справлюсь, — ответила она и поставила поднос на ближайший стол, сдвинув на угол стопку книг в кожаных переплетах. — Отдыхайте. У вас, должно быть, шок.

— Телефонный звонок был таким неожиданным. Еще не было и шести утра. Они, наверное, всю ночь провели в больнице.

— Это случилось внезапно?

— Инфаркт. Видимо, обширный, — он задумчиво провел рукой по своим жестким усам. — Странно, конечно, но в наше время почему-то ждешь, что от инфаркта можно спасти.

Миссис Али задела носиком чайника о край чашки. Майор испугался, что чашка разобьется, и с опозданием вспомнил, что ее муж тоже умер от инфаркта. Это произошло года полтора или два назад.

— Простите, я не подумал...

Она прервала его успокаивающим жестом и продолжила разливать чай.

— Ваш муж был хорошим человеком, — добавил он.

Отчетливо он помнил только, что тот был широкоплечим и очень сдержанным. После того как

мистер Али купил старый магазин миссис Бридж, все пошло наперекосяк. По меньшей мере дважды майор видел, как мистер Али свежим зимним утром спокойно оттирал краску с витрины. Несколько раз майор Петтигрю присутствовал при том, как мальчишки на спор совали голову в дверь магазина и орали: “Паки, валите домой!” Мистер Али качал головой и улыбался, майор негодовал и бормотал извинения. Постепенно шум стих. Те же мальчишки по вечерам приходили в магазин, когда у их матерей заканчивалось молоко. Самые упорные жители устали преодолевать под дождем по четыре мили, чтобы купить лотерейные билеты в “английском” магазине. Деревенская элита под предводительством леди из различных деревенских комитетов компенсировала грубость низших слоев населения тем, что была подчеркнута вежлива с супругами Али и всюду об этом рассказывала. Майор не раз слышал, как та или иная дама с гордостью упоминала “наших милых пакистанских друзей”, тем самым доказывая, что Эджкомб-Сент-Мэри является истинным примером межкультурной коммуникации.

Когда мистер Али умер, все были подобающим образом огорчены. Деревенский совет, членом которого являлся и сам майор, бурно обсуждал возможность проведения поминальной службы, а когда эта идея провалилась (ни приходская церковь, ни паб не подходили для подобного мероприятия), в похоронное бюро был отправлен очень большой венок.

— Жаль, что не пришлось познакомиться с вашей милой женой, — сказала миссис Али, передавая майору чашку.

— Да, ее нет вот уже шесть лет, — сказал он. — Странно: это как будто произошло только что и в то же время целую вечность назад.

— Да, это совершенно непостижимо, — ответила она. Ее четкое произношение, которого так не хватало многим его соседям, напоминало майору чистый звон хорошо настроенного колокольчика.

— Порой мне кажется, что муж совсем рядом со мной, как вы сейчас, а иногда я словно одна во всей Вселенной, — добавила она.

— У вас есть ваша семья.

— Да, у меня довольно большая семья, — при этих словах ее голос словно стал звучать немного суше. — Но ведь это совсем не то, что глубинная связь между супругами.

— Вы прекрасно это сформулировали, — сказал майор.

Они пили чай, и он с удивлением подумал, что миссис Али, вырванная из контекста своего магазина и помещенная в неожиданную обстановку его гостиной, вдруг оказалась глубоко понимающей женщиной.

— Насчет халата, — сказал он.

— Халата?

— Ну, этой вещи, в которую я был одет, — он кивнул в сторону халата, теперь лежащего в корзине

с журналами “Нэшнл джеографикс”. — Моя жена любила возиться по хозяйству в этом халате. Иногда я, как бы сказать..

— У меня есть старый твидовый пиджак, который муж раньше носил, — мягко сказала она. — Иногда я надеваю его и брожу по саду. А иногда я беру в рот его трубку, чтобы ощутить горечь его табака.

Она слегка покраснела и опустила свои темные глаза, словно почувствовала, что сказала слишком много. Майор заметил, какая у нее гладкая кожа, какое выразительное лицо.

— У меня тоже остались некоторые вещи жены, — сказал он. — Прошло уже шесть лет, и я не знаю, пахнут ли еще они ее духами или мне просто кажется.

Он хотел рассказать ей, как иногда открывает шкаф, чтобы зарыться лицом в ее жакеты и шифоновые блузки. Миссис Али посмотрела на него, и, глядя в ее глаза с тяжелыми веками, он подумал, что, наверное, она сейчас тоже вспоминает что-то подобное.

— Вы готовы выпить еще чаю? — спросила она и протянула руку за его чашкой.

Когда миссис Али ушла, извинившись за вторжение в его дом — он в ответ извинялся за то, что доставил ей хлопоты, — майор вновь натянул халат и отправился в чуланчик за кухней, чтобы завершить чистку

ружья. Он чувствовал, что голова словно стянута обручем, а в горле слегка жжет. Это была тупая боль горя, каким оно бывает в реальности — скорее несварение, чем истинная страсть.

Рядом со свечой грелась фарфоровая чашечка с минеральным маслом. Он погрузил пальцы в горячее масло и начал втирать его в гладкую ореховую поверхность ружейного ложа. Это занятие успокоило его, и горе начало стихать, уступая место крохотным росткам любопытства.

Миссис Али была, судя по всему, образованной, культурной женщиной. Нэнси тоже принадлежала к этому редкому роду людей — она любила свои книги и камерные концерты в деревенских церквях. Но она оставила его в одиночестве терпеть грубоватое участие окружающих его женщин. Эти женщины любили поговорить на охотничьем балу о лошадях и ружьях и с наслаждением судачили о неблагонадежных молодых мамашах из муниципальных коттеджей, по вине одной из которых сорвалось заседание сельского клуба. Миссис Али больше походила на Нэнси. Она была бабочкой среди суетливых голубей. Он признался самому себе, что хотел бы снова увидеть миссис Али за пределами магазина, и задумался, является ли это доказательством того, что он еще не так закостенел, как предполагают его шестьдесят восемь лет и ограниченные возможности сельской жизни.

Взбодрившись этой мыслью, майор решил, что в состоянии теперь позвонить в Лондон своему сыну, Роджеру. Он вытер пальцы о мягкую желтую тряпочку и уставился на бесчисленные хромированные кнопки и жидкокристаллический дисплей беспроводного телефона, который подарил ему Роджер. Как сказал сын, скорость набора и функция голосовой активации делают этот телефон особенно удобным для старшего поколения. Майор Петтигрю не был согласен ни с предполагаемым удобством использования телефона, ни с подобной характеристикой своего возраста. Существовала раздражающая традиция, согласно которой, стоило детям вылететь из гнезда и обзавестись собственным жильем — в случае Роджера сверкающим пентхаусом в черно-медных тонах с видом на Темзу рядом с Патни, — как они решали, что родители их впали в беспомощную дряхлость, и принимались ожидать их смерти или, по крайней мере, пытались нанять им сиделку. Очень по-спартански, подумал майор.

Масляным пальцем майор нажал на кнопку с надписью “1 — Роджер Петтигрю, вице-президент, Челси-Партнерс”, сделанную крупным детским почерком самого Роджера. Фирма Роджера занимала два этажа в стеклянном небоскребе в Докленде; и, слушая металлические гудки, майор представлял себе Роджера, сидящего

в неприятно стерильном отсеке перед батареей компьютерных мониторов и пачкой бумаг, для которых высокооплачиваемый дизайнер не предусмотрел ящиков.

Роджеру уже сообщили.

— Джемайма взяла на себя звонки. Она в истерике, но тем не менее звонит всем и каждому.

— Легче, когда есть дело, — предположил майор.

— Скорее упивается ролью осиротевшей дочери, — сказал Роджер. — Не очень натурально, конечно, но они ведь все такие.

Его голос звучал приглушенно, и майор предположил, что он опять ест на рабочем месте.

— Прекрати, Роджер, — сказал он твердо.

В самом деле, его сын становится таким же несносным, как Марджори. Столица нынче переполнена бестактными высокомерными юношами, и Роджер к тридцати годам стал проявлять некоторые признаки того, что попал под их влияние.

— Извини, пап. Мне очень жаль дядю Берти. — Пауза. — Я все время вспоминаю, как он принес мне модель самолета для сборки, когда у меня была ветрянка. Он весь день со мной просидел, клеил эти крохотные детальки.

— А я помню, как ты на следующий день разбил самолетик об окно, хотя тебе запретили запускать его дома.

— Да, а ты бросил его в печьку.

— Он разлетелся на куски. Зачем выкидывать дерево?

Это было привычное воспоминание, которое часто всплывало на семейных сборищах. Иногда все смеялись, а иногда историю рассказывали в назидание непослушному сыну Джемаймы. Сегодня между строк проскальзывал легкий укор.

— Ты приедешь вечером? — спросил майор.

— Нет, я приеду поездом. Слушай, пап, не жди меня. Я могу и застрять.

— Застрять?

— Я по уши в делах. Тут полный бардак. Два миллиарда долларов, закупка облигаций, и клиент жутко нервничает. То есть дай мне знать, когда дата будет назначена, и я помечу ее у себя в календаре как особенно важную, но сам понимаешь...

Майор мимоходом задумался, как обычно сын помечает его у себя в календаре. Он вообразил себя с приклеенной желтой бумажкой для заметок — возможно, на ней было написано “важно, но не срочно”.

Похороны назначили на четверг.

— Так всем удобнее, — сказала Марджори во время их второго разговора. — У Джемаймы по понедельникам и средам занятия, а у меня во вторник турнир по бриджу.

— Бerti не хотел бы, чтобы ты бросила бридж, — заметил майор и услышал в своем голосе ядовитые нотки.

Марджори наверняка назначила время похорон, сообразуясь со своим походом в салон красоты, чтобы ей заново уложили волосы жесткой волной и затонировали или залакировали кожу — или что там надо сделать с лицом, чтобы кожа казалась туго натянутой?

— А почему не в пятницу? — спросил майор. Он только что записался к доктору на четверг. Секретарша в приемной очень сочувственно отнеслась к его объяснениям и тут же передвинула на пятницу ребенка с астмой, чтобы освободить время для ЭКГ майора. Ему не хотелось все отменять.

— У викария заседание “Проблемных подростков”.

— Я так понимаю, что проблемы у подростков бывают каждую неделю, — ядовито сказал майор. — Господи, это же похороны. Пусть хотя бы раз поступят своими интересами ради других. Это их чему-нибудь научит.

— Директор похоронного бюро сказал, что пятница — слишком праздничный день для похорон.

— О!

Абсурдность этого довода лишила его слов.

— Ну что ж, тогда увидимся в четверг. Около четырех?

— Да. Роджер привезет тебя?

— Нет, он приедет из Лондона на поезде и возьмет такси. Я приеду сам.

— Ты уверен, что можешь сесть за руль? — спросила Марджори.

Ее беспокойство казалось искренним, и майор почувствовал прилив жалости. Конечно, ведь ей теперь тоже одиноко. Раскаявшись в своем гневе, он нежно уверил ее, что в состоянии вести машину.

— А потом приезжай к нам. Съедем что-нибудь немудрящее, выпьем. В семейном кругу.

Переночевать она не предложила. Придется возвращаться домой в темноте. Сочувствие майора мгновенно улетучилось.

— Может, ты захочешь взять что-нибудь из вещей Берти, — продолжила она.

— Спасибо, что предложила, — ответил он, пытаясь скрыть неуместный энтузиазм. — Я собирался обсудить с тобой этот вопрос, когда будет время.

— Ну разумеется, — ответила Марджори. — Ты же должен оставить себе какую-нибудь мелочь на память... Берти бы сам на этом настоял. У меня тут лежит пара новых рубашек, которые он так и не успел надеть... В общем, я подумую.

Майор повесил трубку, чувствуя, как его охватывает отчаяние. Какая же она все-таки ужасная. Подумав о бедном Берти, он вздохнул — интересно, пожалел ли тот когда-нибудь о своем выборе. Возможно, не придавал этому особого значения. В конце концов кто думает о смерти, принимая ре-

шения всей своей жизни? А если бы о ней и думали, как бы это повлияло на решения?

От Эджкомб-Сент-Мэри до прибрежного городка Хэйзелбурн-он-Си, где жили Берти и Марджори, было двадцать минут езды. Городок представлял собой торговый и транспортный узел, где пересекались дороги половины графства, и его улицы вечно были переполнены туристами и покупателями, поэтому майор заранее прикинул, как проехать по городу, на какой из узких улочек рядом с церковью оставить машину и сколько времени потребуется на то, чтобы выслушать все соблезнования. Он твердо решил, что двинется в путь не позже половины второго. Несмотря на это, он все еще сидел в машине у своего дома, не в силах пошевелиться. Кровь, словно лава, медленно текла по жилам. Казалось, что внутренние органы тают, а в пальцах уже не осталось костей. С рулем ему точно не справиться. Майор попытался побороть панику с помощью серии глубоких вдохов и резких выдохов. Пропустить похороны собственного брата было невыносимо, но так же невыносимо было повернуть ключ зажигания. Не смерть ли это, подумал он. Жаль, что не вчера — его могли бы похоронить вместе с Берти и избавить всех от необходимости дважды ездить на похороны.

Кто-то постучал в окно, майор медленно, как во сне, повернул голову и увидел встревоженное

лицо миссис Али. Он сделал глубокий вдох и с усилием поднял руку, чтобы нажать на кнопку и опустить стекло. Нынешняя мода автоматизировать все и вся долго вызывала у него недоверие, но теперь майор был рад, что ему не приходится крутить ручку.

— Майор, с вами все в порядке? — спросила она.

— Вроде бы, — ответил он. — Собираюсь с силами. Еду на похороны, сами понимаете.

— Понимаю, — сказала миссис Али. — Вы очень бледный. Сможете доехать сами?

— Выбор нет, моя дорогая, — сказал он. — Брат покойного.

— Может, вам стоит ненадолго выйти и подышать свежим воздухом, — предложила она. — У меня есть холодный имбирный эль.

В руках у нее была небольшая корзинка, в которой майор увидел сияющий бок зеленого яблока, бумажный пакет с масляными пятнами, намекавшими на то, что внутри какая-то выпечка, и большую зеленую бутылку.

— Да, пожалуй, — согласился он и вышел из автомобиля.

Корзина, как оказалось, должна была ожидать его на крыльце по возвращении с похорон.

— Я подумала, что вы можете забыть поесть, — объяснила миссис Али, пока майор пил имбирный эль. — После похорон мужа я четыре дня ничего не ела и в итоге попала в больницу с обезвоживанием.

— Вы очень любезны, — сказал он. Холодное питье освежило его, но дрожь так и не прошла. Он был слишком обеспокоен, чтобы чувствовать смущение. Автобус ездил раз в два часа, а по четвергам последний рейс возвращался в Эджкомб в пять часов вечера. — Наверное, я поищу такси. Не уверен, что стоит садиться за руль.

— В этом нет никакой необходимости, — сказала она. — Я сама вас отвезу. Мне все равно нужно было съездить в Хэйзелбурн.

— Но это совершенно невозможно... — начал майор.

Он ненавидел ездить с женщинами. Его раздражала их манера опасно подкрадываться к перекресткам и напрочь игнорировать зеркала заднего вида. Ему не раз доводилось часами тащиться по узкой извилистой дороге вслед за женщиной и наблюдать, как она беззаботно трясет головой в такт радио, а плюшевые игрушки за задним стеклом приветливо кивают.

— Это совершенно невозможно, — повторил майор.

— Прошу вас, позвольте мне вам помочь, — сказала миссис Али. — Моя машина припаркована на улице.

Она вела как мужчина: агрессивно переключала передачи на поворотах, выжимала газ на прямых участках дороги и с явным удовольствием гнала по холмам свою маленькую “хонду”. Под напором

ветра из приоткрытого окна ее розовый шелковый шарф сполз, и на лицо упали несколько выбившихся черных локонов. Она нетерпеливо отбросила их назад, и машина на полном ходу влетела на маленький горбатый мост.

— Как вы себя чувствуете? — спросила миссис Али, и майор замялся.

От ее манеры езды его слегка тошнило, но это была приятная тошнота — того рода, что испытывают мальчишки на каруселях.

— Уже лучше, — ответил он. — Вы замечательно ведете.

— Мне нравится водить, — сказала она, улыбнувшись ему. — Быть наедине с мотором. Никто не говорит мне, что делать. Никаких счетов, никаких списков — только свобода и множество неизведанных путей.

— Пожалуй, — сказал он. — Вы много путешествовали?

— Совсем нет. Раз в две недели я езжу в город, чтобы пополнить запасы. На Миртл-стрит есть несколько индийских магазинов. В остальное время машину в основном используют для доставки покупок.

— Вы могли бы съездить в Шотландию или когда-нибудь еще, — сказал он. — Или поездить по автобанам в Германии. Говорят, это очень приятно.

— А вы сами много ездили по Европе? — спросила она.

— Нет. Мы с Нэнси все собирались. Проехать по Франции, может, заглянуть в Швейцарию. Но так и не собрались.

— Вы должны поехать, — сказала она. — Пока можете.

— А куда бы вам хотелось поехать? — спросил майор.

— Во множество мест, — сказала миссис Али. — Но ведь у меня магазин.

— Наверное, ваш племянник скоро сам сможет управлять магазином? — спросил он.

Она невесело рассмеялась.

— О да. Скоро он сможет сам управлять магазином, и нужда во мне отпадет.

Племянник был недавним и не слишком приятным прибавлением в деревенском магазине. Ему было лет двадцать пять, держался он очень холодно, и во взгляде его присутствовала постоянная готовность дать отпор. В нем не было и следа молчаливой грациозной кротости миссис Али или терпения покойного мистера Али. Неловко было справляться о цене мороженого горошка у человека, ожидающего от тебя оскорблений, хотя майор и понимал, что имеет полное право на подобный вопрос. Кроме того, в отношении племянника к тете мелькала сдержанная агрессия, и это майору совсем не нравилось.

— Вы уйдете от дел? — спросил он.

— Мне это предлагали, — ответила она. — Родственники мужа живут к северу от этих мест, и они

надеются, что я соглашусь поселиться в их доме и занять положенное мне место в семье.

— Наличие любящих родственников, безусловно, компенсирует тяготы жизни на севере Англии, — сказал майор Петтигрю без особой убежденности. — Вы наверняка с наслаждением вступите в должность всеми почитаемой бабушки и главы семейства?

— У меня нет детей, а муж умер, — ответила она с горечью. — Меня скорее будут жалеть, чем почитать. От меня ждут, что я передам магазин племяннику, чтобы он смог привезти себе хорошую жену из Пакистана. Взамен мне достанется крыша над головой и, разумеется, почетная обязанность заботиться о детях моих родственников.

Майор потрясенно молчал. Ему не хотелось продолжать эту беседу. Вот почему люди обычно говорят о погоде.

— Они же не могут вас вынудить... — начал он.

— Законным образом — не могут. Мой милый Ахмед нарушил семейную традицию и оставил магазин мне. Но есть несколько невыплаченных долгов. Да и что такое закон по сравнению с семейным мнением? — Она повернула налево и ловко втиснулась в узкий промежуток в потоке машин. — Стоит ли бороться, если в итоге ты теряешь семью и нарушаешь традицию?

— Это просто невысказано, — возмущенно заявил майор. Его костяшки пальцев побелели.

В этом-то и беда с этими иммигрантами, подумал он. Они притворяются англичанами, некоторые из них даже родились здесь. Но на самом деле они продолжают исповедовать все те же варварские принципы и чужеземные обычаи.

— Вам, англосаксам, повезло, — заметила миссис Али. — В вашей культуре родственные связи уже в основном утрачены. Каждое поколение живет самостоятельно, и вы ничего не боитесь.

— Пожалуй, — сказал майор автоматически, хотя и не был полностью уверен в ее правоте.

Она высадила его на углу улиц в нескольких ярдах от церкви, и он записал на бумажке адрес.

— Наверняка мне удастся доехать обратно на автобусе, — сказал майор, но поскольку оба они понимали, что это не так, тема не получила дальнейшего развития. — Мы, наверное, закончим часам к шести. Вам это удобно?

— Конечно, — она на мгновение взяла его руку в свои. — Силы вашему сердцу. Пусть любовь поможет вам сегодня.

Майор почувствовал тепло на сердце и понадеялся, что сможет сберечь его до того момента, когда увидит окоченевшего Берти в ореховом ящике.

Служба представляла из себя тот же трагифарс, каким он запомнил похороны Нэнси. Подавляюще громоздкую пресвитерианскую церковь построили

в середине века. Ее бетонную пустоту не способны были победить ни благовония, ни свечи, ни любимый витраж Нэнси, изображавший святую Марию. Здесь не было ни старинной колокольни, ни замшелого кладбища, умиротворяющего своей красотой и постоянством, с которым одни и те же фамилии веками появляются на надгробных камнях. Единственным утешением было то, что на службу собралось множество людей — были заняты даже два ряда откидных стульев у входа. Гроб Берти стоял на полу в небольшом углублении, напоминавшем сточную яму. В какой-то момент раздался механический шум, и гроб, напугав майора, внезапно поехал вниз. Он опустился не больше чем на четыре дюйма, но майор издал сдавленный вопль и непроизвольно кинулся вперед. К такому он был не готов.

Джемайма и Марджори выступили с речами. Он ожидал услышать нечто смехотворное, особенно когда Джемайма появилась перед ними в черной соломенной широкополой шляпе, более подходящей для шикарной свадьбы, чем для похорон, и объявила, что в память об отце прочтет стихотворение. Но, хотя стихотворение оказалось и вправду ужасающим (майору запомнились бесконечные плюшевые медвежата и ангелочки, никак не сочетающиеся с суровостью пресвитерианского учения), ее искреннее горе придало выступлению трогательность. Она размазала тушь по всему лицу,

и ее мужу пришлось практически тащить ее с кафедры обратно на место.

Майора никто не просил подготовить речь. Он счел это серьезной оплошностью, и бессонными ночами изобретал все новые и новые пространственные высказывания. Но когда Марджори вся в слезах после краткого прощания с мужем вернулась на свое место, наклонилась к майору и спросила, хочет ли он что-нибудь сказать, он отказался. К собственному удивлению, он снова чувствовал слабость, его голос дрожал, а зрение казалось размытым. Он схватил ее руки и сжал их. После службы, во время рукопожатий в полутемном холле, он заметил нескольких старых друзей и был тронут их появлением. С некоторыми он не виделся много лет. Мартин Джеймс, с которым они вместе выросли в Эджкомбе, приехал на похороны из Кента. Бывший сосед Берти, Алан Питерс, променявший свои успехи в гольфе на наблюдения за птицами, приехал с другого конца страны. Что самое удивительное, из Галифакса приехал Джонс — валлиец, старый армейский друг майора еще по офицерской школе, который как-то летом несколько раз встречался с Берти и потом каждое Рождество посылал им обоим открытки. Майор схватил его руку и покачал головой в безмолвной благодарности. Этот момент испортила вторая жена Джонса, незнакомая ни ему, ни Берти, которая, не переставая, надрывно всхлипывала в огромный носовой платок.

— Ну будет, Лиззи, — сказал Джонс. — Прости, она вечно так.

— Прошу меня простить, — сказала Лиззи, сморкаясь в платок. — Я и на свадьбах всегда плачу.

Майор был не в обиде. В конце концов она сочла нужным приехать. Роджер так и не появился.